

**ВЫСТАВКА
"МОЙ ПАРИЖ".
ГАЛЕРЕЯ "МАНЕЖ"
ПО 9 ФЕВРАЛЯ.**

афиша

телефон для деловых контактов
209-36-70, факс 299-71-86

**Татьяна
НАЗАРЕНКО:**

Я ВЫПИЛА СТАКАН ВОДКИ И ПОЕХАЛА

В МАСТЕРСКУЮ

Неделя - 1997 - № 3 - с. 14

При социализме Татьяна Назаренко удостоилась, кажется, всех мыслимых наград, которые только могут достаться молодому живописцу. Книга «Искусство Советского Союза», включавшая 50 самых известных имен, начиналась Кустодиевым и заканчивалась Назаренко.

Постоянному персонажу светской хроники, наезднице, записной красоте московских вернисажей, из-за которой, по слухам, устраивались дуэли, ей грех жаловаться на недостаток популярности. Ее нарядные картины охотно покупают и сейчас. Однако открывшаяся в галерее «Манеж» выставка «Мой Париж» — вторая подряд, где художница выставляет не полотна, а вырезанные из фанеры фигуры...

— Таня, четвертый год подряд, 25 января, на свои и всех Татьян именины, вы устраиваете свои выставки. Так будет и впредь?

— Нет, это последняя. Моя семья сказала, что еще одного вернисажа не перенесет.

— Ваши родственники так сильно включены в ее подготовку?

— Да, буквально все. Я раньше не понимала, почему на вручении «Оскара» или «Грэмми» лауреаты благодарят родителей, детей, супругов... Теперь понимаю. Муж и старший сын помогли мне вырезать фигуры. Младший сын оказался предоставлен сам себе с ноября, с того момента, когда я начала вплотную работать. Мама ведет хозяйство и по совмещительству выполняет роль секретаря. Тетя переводит на английский пресс-релизы. Короче, задействованы все.

— Ваша выставка суммирует парижские впечатления. Это была недавняя поездка?

— Два летних месяца в прошлом году я провела в Cite Internationale Des Arts — там художникам со всего мира предоставляются мастерские, точнее, уютные небольшие квартиры. Но я скорее набиралась впечатлений. В Париже трудно рисовать. Там куда ни посмотришь — уже перед тобой законченная композиция.

— И что вас поразило более всего?

— После предыдущей выставки «Переход» (на которой были представлены обитатели московских переходов — бомжи, пьяницы, убогие старики и проч. — Л. Л.) у меня была идея сделать нечто похожее

на парижском материале. Поначалу я присматривалась к калекам, нищим и бездомным. А потом поняла, что это настолько не похоже на Париж...

— Парижские бомжи ходят с плеерами и спят хоть на цементном полу, зато в синтепоновых спальнях мешках.

— Вот-вот. Просящая милостыню старушка — в кружевных митенках, а у уличных музыкантов роскошные инструменты. Нищета там не ужасает. Она своеобразная, даже немножко красивая.

О парижских кафе много написано, но не удивиться им невозможно. Например, там потрясающие официанты. Это особая порода людей. Вот наши официанты все равно выглядят недовольными. Кажется, что они бы с радостью поменялись местами с теми, кто сидит за столиком. Парижские же — милые, веселые, доброжелательные.

Еще меня поразило, как одеты парижанки. Основная гамма — черное с белым. Если цветная майка — наверняка туристка.

— Поговорим о выставке. Сложно ли было ее организовать? Общий упадок в области изобразительного искусства на вас сказывается?

— Особенного упадка я не вижу. Сейчас проходит безумное количество выставок — в одном ЦДХ одновременно около тридцати. Недели не хватит, чтобы обойти все московские галереи. Другое дело, что покупают намного меньше. Богатых людей интересует живопись XIX века. За фантастические деньги они приобретают третьестепенные, десятистепенные вещи Шишкина или Айвазовского и уверены, что «вложили деньги в искусство».

— Каким образом вы продаете работы?

— Я практически не работаю с галереями. Если отдаю свои картины на выставки, то скорее по дружбе. Чаще покупатели приходят ко мне в мастерскую. Показываю «новым русским» большие работы, они говорят: «Спасибо, очень интересно. Но хочется вон тот маленький холст на стене». — «Это как раз не продается». — «А если очень хочется?» Иногда приходится уступать.

— Почему от живописи вы перешли к фигурам-обманкам?

— Мне кажется, живопись никому не нужна. Так, изящной картинкой украсить интерьер... Когда я начинала работать, у живописи было иное предназначение. Я всегда была социальным художником. Мне сложно примириться с тем, что время требует лишь веселеньких декоративных панно.

Мне интересно делать что-то новое. В конце концов, от работы надо получать удовольствие. Жанр

персонажей-обманок — человеческих фигур в натуральную величину, вырезанных из дерева или картона — известен с XVIII века. Нарисуешь его, вырежешь — он как живой получается.

— На фотографиях не сразу отличишь, где вы, а где — ваши герои. Но на стенах еще и холсты, покрашенные синей или красной краской. Это фон такой?

— Ирина Мелешкевич, директор галереи «Манеж», сказала: «Таня, я надеюсь, ты не будешь делать просто фигуры». А я как раз только их и хотела делать. И я решила сделать пару «картин». Красное пятно на стене очень организует пространство. А когда натянула холсты на большие подрамники, мне так захотелось рисовать, а не штукатурить... В наше время размытых критериев, когда вместо живописи делают черт знает что, а графику получают с помощью компьютера, искусством может считаться все что угодно.

— Лет семь назад вы написали портрет старшего сына — где он подстрижен под панка — и переживали из-за его сложного характера.

— Сейчас он аккуратно подстриженный молодой человек, который занимается бизнесом. Хотя имеет профессию реставратора мебели. Младший тоже практически не рисует. И, честно говоря, я бы сама не хотела, чтобы мои дети выбрали этот путь. Они ведь видят, как тяжело это все дается...

— А вы сами почему стали художником?

— Я, как все девочки, рисовала куклы, платица. Но мой школьный учитель сказал, что у меня способности. Родители отвели меня в художественную школу. К удивлению всех, я выдержала экзамены. Потом был Суриковский, три года в мастерских Академии художеств.

— В прежние годы вы были очень обласканы и наградами, включая Госпремию РСФСР, и вниманием...

— У меня в жизни было много трудностей. Но я не назову свою судьбу печальной. Все чередовалось. Моя первая большая работа «Казнь народовольцев» получила множество наград и премий, но все мои друзья перестали со мной разговаривать. У меня нередко снимали картины с выставок — причем с престижных и когда я была достаточно известна. И за границу не пускали. Были такие потрясения, от которых хотелось руки на себя наложить. Карьера художника — труд тяжелый. Каждый раз себя приходится перебарывать. Вот, в воскресенье я лежала дома с высокой температурой. Но надо было срочно паковать работы на выставку, потому что на вторник заказали машину. В понедельник я встала, не при микрофоне будь сказано, выпила стакан водки и поехала в мастерскую.

— Помогло?

— Как видите. Я отвезла работы в Манеж и натянула холст для новой картины.

Людмила ЛУНИНА
Фото Виктора АХЛОМОВА

Назаренко Татьяна